

Познер берет интервью у Даньки

19-09-96

И MASS-MEDIA

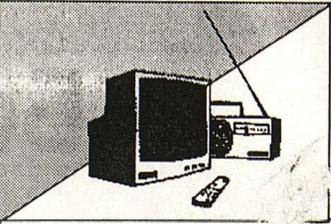
432

МАСТЕР-КЛАСС

Общая газ. -
1996. - 19 сент. - с. 12

После маскарада

Новое лицо Владимира Познера на канале НТВ

В общем, не бог весть какая идея.

Та же большая, на сотню мест, студия.

Тот же, посередине, эшафот с креслом вместо плахи.

Тот же бедолага в кресле, подвергаемый экзекуции.

Правда, не с поднятым забралом, под коим привычная улыбка «одного из нас», разукрашенная останкинскими примерами. Наоборот: лицо сквано страшной железной маской. Под нее на голову нахлобучен еще черный суконный колпак. Первая аналогия: бой гладиаторов. Маска худо-бедно защищает того бедолагу, что сидит посреди студии, зато и публика вольна вести себя с ним разнузданней обычного и чувствовать себя безнаказаннее.

Аналогия рассыпается, едва успев возникнуть.

Не только потому, что уж какой там Владимир Владимирович Познер «то ли буйвол, то ли бык, то ли тур», но и оттого, что эмоции толпы (чего мы только не видели и не слышали на всевозможных телевизионных «ток-шоу»), вскипая, тотчас и расплющиваются по эту самую железную маску.

Аналогия вторая: исповедальня в католическом храме. Священник сидит в кабинке, полупрозрачная занавеска либо решетка отделяет его от кающегося

грешника — скорее, символически, нежели реально. Но символ действует на подсознание сильнее любых умственных построений.

Тому, кто приходит на новую программу Познера — дабы «сказать как можно большему числу лиц нечто важное, но так, чтобы тебя как можно меньше людей узнало», — сковывающая лицо маска позволяет договариваться до таких откровений, которые и на исповеди редко срываются с языка.

«Это не признак трусости, — объясняет Познер предложенный им маскарад. — Это признак элементарного самосохранения».

Когда мальчик Коля, инвалид Чечни, гость второго выпуска передачи «Человек в маске», отказался открыть лицо (а Познер и массовка просили его это сделать — дескать, чего бояться!), кто-то из приглашенных высказался в том смысле, что лицо Коли и так открыто, а вот к лицам тех, кто заварил войну, маски накрепко приросли. Наблюденые верные, хотя и прямолинейные.

Но вот еще: и каждому из публики, и в первую голову самому Владимиру Познеру в этой программе приходится совершать трудный и болезненный акт снятия маски. Телевидение — искусство из рода лицедейских, а уж все эти ток-шоу — сущий маска-

рад: каждый, начиная с ведущего и кончая какой-нибудь шикающей с последнего ряда дамочкой, позируют, гримасничают, витийствуют перед камерой, забыть о которой невозможно. Каждый в этом шоу играет маленькую, да свою собственную роль — и сплошь положительные эти роли. А вот он, который на эшафоте, — ему все остальное, на него все шишки, в его голову все камни. Заварил кашу — расхлебывай.

Накатанный сценарий — предполагали авторы или нет — в каждой из двух вышедших в эфир передач дает сбой. Потому что человек в маске, безликий аноним — это и конкретный Коля или Гена, и вместе расстегнутая на все пуговицы душа жива, не нуждающаяся в паспорте с точным указанием фамилии-имени-отчества и места прописки.

С первых дней гласности, чуть ли не с первого «Взгляда» мало было у нас на телевидении таких откровений. А в последние годы, кажется, недавно. Надо видеть «анонимного алкоголика» Гену, его десятиминутный диалог о том, как он падал, падал, падал и упал на самое дно, и тогда над болыничной койкой склонилось лицо человека, удержавшего-таки его от падения еще ниже (ниже некуда): «Я его спросил: «Как тебя зовут?» — «Гена»... Ой, прости-

те... Это я его именем вам назвался» — и слезы в глазницах железной маски, и долгое молчание. И надо видеть Познера: все десять минут он молчал, слушал, не перебивал — и теперь держит паузу, но не потому, что замечательный актер-актерыч, а потому, что, если сейчас заговорит — сразу комок в горле, как и у Гены, встанет. Надо видеть глаза Познера — и то, как он в эту минуту берет с пюпитра платок и вытирает взмокший лоб, губы и щеки (а задно и глаза). Надо — и очень важно сегодня — услышать вот такой диалог «первого среди равных» на ТВ разговорщиков с мальчиком, штурмовавшим Грозный в новогоднюю ночь:

- Вы кого-нибудь убили?
- Я не буду отвечать на этот вопрос.
- Почему?
- Не хочу...

Не бог весть какая идея: большая студия, массовка, Познер с микрофоном, уже не бегающий по амфитеатру, как бывало, не завовавший народ острыми вопросами, все чаще замолкающий. Но, вестимо, какое время — такие идеи носятся в воздухе. И такие вот лица проступают из пестрого месива масок — не приснопамятное лицо плейбоя-интеллектуала с легким ненашенским акцентом, с неправдоподобными улыбкой и

загаром, а налитое болью и мучительным недоумением, залитое потом, совсем новое, неузнаваемое и чрезвычайно привлекательное лицо человека, всю-то дорогу нам объяснявшего, что да как, и учившего, куда и зачем, а теперь вот сидящего сутуло на высоком стуле, нос к носу с Железной Маской, все слушающего, боящегося перебить, а потом наконец вопрошающего: «Вы не хотите нам показать лицо?» — совсем не с той интонацией, с которой положено разговаривать на ТВ, а с той, с которой извиняются, наступив в трамвае на ногу в час пик...

И тут возникает третья аналогия: Д'Артаньян, бегущий прижизненной неоспоримой славы, дабы протянуть руку помощи безымянному человеку в маске, жестоко обиженному судьбой. Имеющий все — и готовый разделить долю того, кто остался ни с чем. И обретающий взамен стократ.

Познер, которому наше ТВ обязано такими качествами, как интеллигентность, раскованность и шарм (их восприняла целая плеяда комментаторов и ведущих эпохи гласности), ныне вновь отличился «лица необшим выраженьем».

Лица. Не личины. Успех не творческий — личный.

Михаил ПОЗДНЯЕВ